

Царство Чжао, столица. Деревня Шанпо.

Стоял солнечный март, цвели цветы, и деревня с головой ушла в весенний сев.

Вечерняя заря окрасила небо, и крестьяне, закончив работу, брели домой с мотыгами на плечах.

Вдруг вдали послышался крик осла, и у ворот деревни остановилась простая повозка.

Из нее вышел ученый в зеленом халате и квадратной шапочке, с ясным взглядом и мягкими манерами. Он отсчитал пять медных монет, с улыбкой передал их извозчику, отвесил вежливый поклон и только потом повернул к деревне.

Крестьяне, что бы они ни думали про себя, расплылись в улыбках и закидали его приветствиями:

— Ученый Хань, что это вас сегодня к нам занесло?

— Дня не прошло, а наш ученый муж еще больше похорошел.....

— А то как же, книжники чернилами питаются, нам до них далеко!

Деревенские распевали приветствия наперебой.

Прежний хозяин тела не отличался высокомерием, так что и Хань Чжану не с чего было строить из себя снежную королеву.

Он ответил с легкой улыбкой:

— Сегодня в академии выходной, вот и решил навестить родных. Как поживаете, дядюшки, тетюшки, все ли благополучно?

— Все хорошо, хорошо! Снег в этом году выпал вовремя, и посевная идет гладко, так что у всех на душе праздник.....

Из-за хорошей погоды и удачного начала сезона крестьяне и впрямь сияли от счастья.

Но, как водится, нашелся и тот, кто решил подпортить картину.

Деревня Шанпо была многолюдной и пестрой, а семьи Хань и Ло с давних пор враждовали из-

за дележа полей и терпеть друг друга не могли.

Единственными учеными мужами во всей деревне, помимо Хань Чжана, был как раз сын семьи Ло.

Матушка Ло терпеть не могла, когда семья Хань забирает все лавры, и, заметив в руках Хань Чжана сверток с лепешками из «Восьми сокровищ», не преминула язвительно бросить:

— Ой, да это ученый Хань гостинцы из «Восьми сокровищ» несет! Один такой сверток, поди, сотню монет стоит, молод еще, а как швыряться деньгами умеет!

— Твой отец, дядя, братья и сестры горбятся в поле, зарабатывая каждую копейку, копят на тебя, а ты вместо книг деньги на ветер пускаешь, только бы живот набить!

— Вот мой Инлан совсем другой, каждую свободную минутку с книгой не расстается, грызет гранит науки, как говорится! А в будущем.....

И понеслась, расхваливая своего сына и поливая грязью Хань Чжана.

Подобные сцены в памяти прежнего хозяина тела мелькали не раз, так что Хань Чжан ничуть не рассердился. Он лишь сохранил самую мягкую улыбку, чтобы произнести слова, в которых мед был густо перемешан с ядом.

— Тетушка совершенно права, мне и впрямь не сравниться с усердием брата Ло, которому приходится жечь масло по ночам, чтобы справиться с заданиями наставника, и даже в выходной нет ни минуты передышки, ведь нужно зубрить, чему я искренне восхищаюсь. У меня же нет великих амбиций, я лишь хочу, сдав экзамены, позаботиться о семье. А сейчас самое главное для меня - служить дедушке с бабушкой, родителям и дядьям с тетками, чтобы потом не кусать локти, когда «сын хочет кормить родителей, а их уже нет в живых»..... Кстати, раз в доме тетушки Ло есть ученый, он, наверное, знает, что книжники могут зарабатывать переписыванием книг. Если почерк хороший, за одну книгу платят от нескольких монет до нескольких лянов, так что неужели нельзя заработать хотя бы на сверток лепешек? Или брат Ло не переписывает книги, чтобы порадовать матушку гостинцами?

Ученый Ло был из тех, кто читал только святые книги и не прикасался к мирским делам, он никогда не думал, как помочь семье, а только тянул руку за деньгами, заставляя родных пахать как волю.

— Ты.....

Матушка Ло побагровела от злости, не в силах подобрать ответ.

Она тут же засучила рукава, уперла руки в боки и уже готовилась разразиться бранью, чтобы

вернуть себе лицо.

Но Хань Чжан не стал ее слушать и перебил:

— Тетушка, вечер уже, пора ужинать, не смею больше задерживать, до скорой встречи.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, быстро увеличивая шаг.

Матушка Ло осталась ни с чем и от злости буквально затопала ногами, выкрикивая проклятия ему в спину.

— Тьфу! Щенок остроумный! Подумаешь, пару книг переписал! А мой сын уже помолвлен с дочерью семьи Сун! Вот станет он зятем управляющего Сун, и мы будем есть лепешки не по сотне монет, а по несколько лянов!

Голос у нее был громкий, и даже ушедший далеко Хань Чжан все прекрасно расслышал.

Однако он даже не остановился и не обратил внимания.

Он ведь был не прежним Хань Чжаном, и дочь семьи Сун его совершенно не интересовала, он любил мужчин, а жениться собирался на гэре.

И да.

Этот Хань Чжан был уже не тем Хань Чжаном!

Он был душой из другого мира, переселившейся сюда всего прошлой ночью.

До переселения его мир погрузился в апокалипсис. Стихийные бедствия, орды зомби, мутировавшие растения и животные, грызущиеся с людьми за последние клочки земли. Его базу осадили, и все погибли в той жуткой волне мертвецов, включая и его самого.

Но, к его удивлению.

Открыв глаза, он возродился в этой вымышленной династии в теле бедного крестьянского сына.

Этот мир был похож на древний Китай, но с тремя полами: мужчины, женщины и мужчины, способные рожать, то есть гэры.

Прежнего хозяина тела звали Хань Цзиньчжан, ему было двадцать лет, он жил в пригороде столицы, в деревне Шанпо, и уже имел степень сюцая.

Прошлой ночью он встал в туалет, поскользнулся в полутьме и разбился насмерть.

А проснулся уже он!

И Хань Чжан был этому безмерно рад.

Ведь он еще не нажил себя, умирать не собирался. И пусть он попал в отсталую древность, но какие бы трудности ни ждали его, разве они могут сравниться с тем разрушенным миром, из которого он пришел?

.....

Следуя воспоминаниям прежнего хозяина, Хань Чжан без труда нашел дом семьи Хань.

В отличие от глинобитных мазанок, которые стояли в деревне повсюду, дом семьи Хань был очень хорош, это был большой двор с зелеными кирпичными стенами и черепичной крышей.

Но это вовсе не означало, что семья богата.

Наоборот, чтобы содержать ученого, семья давно уже жила впроголодь.

Издrevле учеба считалась делом, сжигающим деньги, и если простые люди хотели выкормить книжника, им приходилось не просто затягивать пояса, а буквально выворачивать карманы, и даже это не всегда помогало заполнить эту бездонную бочку.

Семья Хань могла позволить себе кирпичный дом и учебу для внука.

Во многом это потому, что дедушка Хань в молодости был отчаянным и смелым, ходил с караванами по всей стране, не раз смотрел смерти в глаза, и только так сколотил небольшой капитал, чтобы построить этот добротный двор.

— Дедушка, бабушка, батюшка, матушка, второй дядя, вторая тетя, третий дядя, третья тетя, я вернулся!

Подойдя к воротам, Хань Чжан еще до того, как переступить порог, окликнул родных, переняв привычку прежнего хозяина.

Он очень быстро адаптировался, еще вчера полностью слившись с воспоминаниями прежнего

тела.

Иначе и нельзя было, ведь это были суровые древние времена, и малейшая оплошность могла стоить ему жизни, если бы его сочли еретиком!

Как раз сегодня в академии был выходной, и вся семья Хань с нетерпением ждала возвращения старшего внука.

Услышав голос Хань Чжана, все, кто был в главной комнате, на кухне или во дворе, бросили дела и с радостными лицами выбежали встречать его.

— Это наш старший! Наш старший вернулся!

— Ох, мой хороший внучек, тебя всего несколько дней не было, а ты как похудел!

— Племянник, скорее заходи, отдыхай!

— Старший брат, двоюродный брат.....

Вся семья, от мала до велика, обступила Хань Чжана, окружив его заботой, словно он был каким-то диковинным сокровищем, радовалась, и в то же время боялась сдуть пылинку.

А он и впрямь был сокровищем для семьи Хань.

Двадцатилетний сюцай, может, и не был гением, но считался очень талантливым. А если он сдаст следующие экзамены и станет цзюйжэнем, это будет великим событием, которое прославит весь род.

Хань Чжан прекрасно справлялся с наплывом родственных чувств.

В прошлой жизни он был сиротой и привык всего добиваться сам, так что замкнутым не был, и любая компания была ему по плечу.

— Батюшка, матушка, я вернулся. Вы уже поужинали? Если нет, давайте приготовим мои лепешки на пару, горячими они гораздо вкуснее, сегодня как раз добавим их к ужину.....

Передав сверток матери, он повернулся к деду с бабушкой и, мягко улыбаясь, принялся их уверять.

— Дедушка, бабушка, да что вы, в академии меня кормят от души, какой же я худой? Вы только посмотрите на мои руки и ноги, всё при мне, крепкий я!

С этими словами он лихо закатал рукава и демонстративно напряг бицепсы, чтобы родные оценили рельеф. Дедушка Хань в молодости служил в караване охранником и знал толк в кулачном бою, так что и все домочадцы с малых лет приучались к физическим упражнениям для укрепления тела. Даже прежний хозяин этого тела, при всей своей книжной сути, не был обделен богатырским здоровьем.

Увидев, насколько дюж внук, бабушка Хань просияла и закивала так энергично, что только платок на голове затрепетал.

— Вот и хорошо, что крепкий, крепким и оставайся, а то в экзаменационных загонах от напряжения хвори цепляются.

При звуках слов об экзаменах улыбка на лице Хань Чжана на долю секунды окаменела. Ведь прежний хозяин тела был не просто надеждой семьи Хань, но и упованием всего клана, неся на своих хрупких плечах тяжкую ношу по возрождению былого величия рода и прославлению предков.

И, разумеется, стоило только об этом подумать, как во дворе зашебетала целая стая клановых старейшин. Не успели родные обменяться последними новостями, как в воротах показалась целая процессия почтенных старцев. Каждый тащил в руках лукошко с яйцами, отрезки тканей или связки копченого мяса, а на лицах расплывались до ушей умильные улыбки, наполняя двор запахом пряной копоти и деревенского мыла.

— Шестой! Слыхали, наш старший с каникул вернулся?

— Чуть похудел, кажись, несите скорее это, пусть парень как следует подкрепится!

— Как тебе в академии, старший? Наставник-то хвалит небось?

Родичи клана Хань, как и всегда, окружили его плотным, жарким кольцом, осыпая вопросами с такой горячностью, словно боялись, что он растает на солнце. Напор получался просто чудовищным, напоминая сцены из апокалипсиса, где орда мертвецов осаждает последние ворота убежища. Впрочем, Хань Чжан сохранял абсолютное спокойствие, поскольку в памяти прежнего хозяина такие набеги были обыденностью, да и рассказывать почтенных старцев ему не требовалось.

И действительно, едва перебросившись парой дежурных фраз, старейшины самоорганизовались, рассевшись прямо во дворе, и пустились в воспоминания о былых временах. Глава клана заговорил с таким ностальгическим и печальным видом, словно смотрел на уходящий закат.

— Эх, вспомнить только, как наш клан Хань считался знатным и богатым родом, когда мы еще не знали нужды, то даже самые бедные и никчемные наши родичи ходили в шелках да атласе, окруженные слугами, и жили, признать надо, с невиданным размахом.

Дедушка Хань согласно закивал, добавив с глубокой признательностью в голосе.

— Старший брат прав, я ведь и сам помню, как в детстве, шалопайничая, разбил в отцовском кабинете стеклянную лошадку, что стоила тысячу золотых, и только старший брат тогда вымолил мне прощение у отца.

— Да что там та лошадка, в те годы это были сущие копейки, и даже без моего заступничества отец не стал бы бранить младшего брата, вот только судьба у нашего клана Хань оказалась неудачливой, династии сменяли друг друга, смутные времена гуляли по земле, и все бывшие победы и слава превратились в дым и прах.

Глава клана погладил седеющую бороду и тяжело, с надрывом вздохнул, а собравшиеся вокруг старцы, помнившие те истории, дружно запричитали, качая головами.

Но очень скоро глава клана встряхнулся, и в его мутных от старости глазах вспыхнул решительный огонек; он так сильно хлопнул дедушку Ханя по плечу, что тот чуть не пошатнулся.

— Хорошо еще, что шестой не подкачал и вырастил для нашего клана Хань настоящего единорога! Наш старший получил степень сюцзя еще в юности, а теперь и вовсе учится в академии Сяннань. К осенним экзаменам будущего года он непременно станет цзюйжэнем, а там и цзиньши, и вернет нашему клану Хань былое величие! Шестой, вы обязаны лелеять старшего, чтобы и бумага у него была лучшей, и еда, и одежда, не смейте отвлекать его на бытовые мелочи. А если случится нужда, так и не стесняйтесь просить у клана, мы не позволим, чтобы страдало будущее мальчика!

Закончив эту пламенную речь, он обвел взглядом собравшихся и добавил уже более строгим, наставническим тоном.

— И вы все, друзья мои, не таите обид. Старший - это надежда всего клана, и если он сдаст экзамены, выиграют все. Вспомните, как блистал наш клан Хань в былые времена, а теперь посмотрите на наших нынешних отпрысков...

— Завет предков помним: когда клан един, он способен разрезать даже золото, так что мы просто обязаны вернуть семье былую славу!

Услышав эти слова, собравшиеся дружно закивали, проникаясь моментом.

Первый старейшина произнес с предельной серьезностью.

— Старший брат абсолютно прав, раз в семье шестого родился такой талант, как мы можем стоять в стороне?

Второй старейшина нахмурился и добавил сурово.

— Мы пережили войны и голод, неужели не перетерпим еще пару лет с потуже затянутыми поясами?

Третий старейшина воспрял духом и выпалил с энтузиазмом.

— Ты даешь лян, я даю лян, и клан в следующем году снова блистает!

Четвертый старейшина так громко хлопнул ладонью по столу, что чайники подпрыгнули.

— Ты не даешь, я не даю, так когда же наш старший прославит род!

Эта толпа стариков и старух напоминала секту на самом разгаре промывки мозгов, а атмосфера в дворе просто кипела от безудержного энтузиазма и праведного огня.

Хань Чжан, в прошлой жизни изучавший точные науки в университете, стоял и молча созерцал это безумие.

Кажется, это семейное величие мне возродить не по силам.

<http://bllate.org/book/20159/2007752>